

УДК 323.2

СООТНОШЕНИЕ РЕАЛЬНОГО, МНИМОГО И НЕРЕАЛЬНОГО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

© 2010 г.

Т.А. Догадина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

Gmail_5@mail.ru

Поступила в редакцию 04.06.2010

Поднята проблема определения онтологического статуса в политической действительности таких политических объектов и субъектов, которые нельзя однозначно определить как нереальные, но и признать их вполне реальными также нет достаточных оснований.

Ключевые слова: политическая действительность, онтологический статус политических объектов и субъектов, «мнимое» в политической действительности.

Большинство современных исследований различных политических процессов построено вокруг обнаружения реальности или обоснования нереальности политических объектов или субъектов и проводимой ими политики. Ученые противопоставляют мир реальной (субстанциональной) политики – нереальной (симулятивной/виртуальной и т.д.), которая стремится подменить собой реальную политическую жизнь. Проводя черту между реальным и нереальным, из виду опускается и недостаточно исследуется часть политических объектов и субъектов, чья сущность не относима ни к одной из областей и одновременно сочетает в себе характеристики обоих миров политического процесса. Примером могут служить субъекты или объекты, статус которых в политическом процессе можно сравнить с феноменом клинической смерти у человека, когда одновременно присутствуют и отсутствуют признаки жизни.

Например, суверенные республики Абхазия и Южная Осетия (признанные как независимые только Россией и Никарагуа; открыто посольство РФ в абхазской столице г. Сухум; при этом остальные государства, входящие в ООН, их суверенность не признали). Статус данных республик как суверенных нельзя однозначно определить как нереальный, но и признать их статус как вполне реальный (субстанциональный) также не находится достаточных оснований. Пограничный статус в политической действительности суверенных государств Абхазия и Южная Осетия выражается в том, что, с одной стороны, республики имеют Конституцию, президента, правительство; жители, проживающие на их территории, считают себя гражданами независимого государства; республики призна-

ны двумя полноправными державами. С другой стороны – непризнанность их суверенитета международным сообществом, что не позволяет считать их реальными государствами в мировой политической действительности. В подобной ситуации неполноты существования находятся немало территорий современного мира¹.

К тому же классу политических явлений относится, например, институт СНГ, недействительность, «квази-реальность» которого многократно обсуждалась политологами. Но наличие таких организаций, как «межпарламентская ассамблея» и т.д., говорит о том, что СНГ воспринимается как реальность достаточно влиятельными политическими силами.

Приведенные примеры пограничного онтологического статуса политических явлений – между реальностью и нереальностью – позволяют говорить о них как об особом феномене. Подобные состояния хорошо изучены в медицине и других науках, где определяются понятием «мнимое»². Примером может служить феномен клинической (мнимой) смерти или мнимой болезни, в биологии – состояние анабиоза, в физике – понятие мнимого времени, в юриспруденции – мнимая сделка, в социологии – мнимые или номинальные общности и т.д. В геометрии и астрономии проблема пограничного состояния объектов и пространств отразилась в концепции комплексных чисел и мнимых величин.

Российский философ и богослов П.А. Флоренский осмыслил феномен мнимого в общенаучном смысле и заключил, что при наступлении особых условий предмет отражается в противоположном реальному пространстве и получает новые формы существования, характеризующиеся мнимыми параметрами, которые несопоставимы

с реальностью объекта или субъекта: нулевая масса тела, способность передвигаться со скоростью выше скорости света и т.д. Согласно П.А. Флоренскому, обретение мнимых параметров не означает исчезновение предмета – область мнимого «реальна и постижима» [1, с. 50]. При этом пространство П. Флоренский понимал составленным из действительных и из совпадающих с ним мнимых поверхностей, полагая, что переход от поверхности действительной к поверхности мнимой возможен только через разлом пространства и выворачивание тела через самого себя. Концепция П. Флоренского применима для геометрии и физического существования предметов, а политическая действительность, по логике П.А. Флоренского, состоит из «реального», «мнимого» и «нереального» (мифы, символы и т.д.).

Понятие «мнимое» в политической действительности отражает суть политических объектов и субъектов, характеризующихся неполнотой своего существования, когда, будучи субстанционально реальным, объект или субъект не проявляет своих реальных свойств и качеств до наступления определенных условий в политическом процессе.

Содержание понятия «мнимое», пересекаясь с реальным и нереальным (мифы, символы, виртуальные объекты, симуляции), требует уточнения на основе сравнительного анализа. В рассматриваемом контексте, симулякр³ понимается вслед за философами-постмодернистами⁴ как образ отсутствующей действительности, является нереальным – фантомом. Он воспроизводит образ объекта вне его субстанциальных свойств. Миф по своему онтологическому статусу также не относится к реальным объектам, т.к. является формой политического мышления и восприятия политической действительности. Подобное понимание мифа основано на классических и современных исследованиях данного феномена. В частности, на трудах российского исследователя Н.И. Шестова, который считает, что «социально-политический миф – это форма политической творческой активности, содержанием которой является конструирование стереотипных представлений о политических реалиях прошлого и настоящего» [2, с. 79–80]. Политические символы к реальному в политической жизни также относить неправомерно, т.к. это «знаки, образы, обобщающие и олицетворяющие какие-либо политические объекты, явления, процессы» [3, с. 45]. Мнимое и нереальное являются качественно разными понятиями: нереальное – то, что характеризуется как не существующее

или не могущее существовать, мнимое – это реально субстанционально существующее, но не проявляющее своей реальности. В подобном качестве мнимость объектов пересекается с понятием «виртуализация». Для избежания терминологических споров и неясностей необходимо разграничить эти понятия.

Термин «виртуальное» известен еще с XIII в., и его авторство принадлежит Фоме Аквинскому. У Аквината этот термин используется для подтверждения тезиса о том, что человек является единством тела и души: «после разрушения сочетания души и тела потенции второго рода, составляющие начало отправлений чувственной и вегетативной частей души, не могут сохраняться, но остаются в душе виртуально, как в своем первоначале или корне» [4, с. 71]. Т.е., потеряв тело, душа все равно сохраняет в себе отражение той телесной оболочки, которую она наполняла. Таким образом, она становится реальностью, не имеющей под собой реальной основы (в теологическом понимании «душа» объективно существует). Г. Гегель прибегает к понятию «виртуального» для обозначения формы существования реального в идеальном: «...идеальность есть отрицание реального, но притом такое, что последнее в то же время сохраняется, виртуально содержится в этой идеальности, хотя и не существует больше» [5, с. 132].

Значительно позднее этот термин начинают использовать в физике для обозначения элементарных объектов, так называемых виртуальных частиц, которые рождаются и гибнут случайно и непредсказуемо. Их в принципе невозможно обнаружить, но они существуют. В этом случае «виртуальное» предстает как реально существующее. Согласно Большой советской энциклопедии «виртуальное» – синоним «возможного», «вероятного» (прилагательное «виртуальный» выводится от позднелат. *virtualis* – сильный, способный [6, с. 786]).

Рассмотрев трактовку термина «виртуальность» в физике, следует обратить внимание на коммуникационную природу виртуальности. Подобно виртуальным частицам, которые отвечают за взаимосвязь между другими частицами, т.е. способствуют своего рода коммуникации, всемирная сеть Интернет также относится к разряду виртуальности, т.к. ее «реальность» обнаружить сложно, но она есть, и посредством Сети осуществляется коммуникация между людьми. Осознание этого привело к тому, что в конце 70-х гг. интерес к данному понятию вновь возрождается в философии через осмысление онтологического статуса «виртуальной реальности».

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова [7] и в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» [8] слов с таким корнем нет – это позволяет судить о том, что данное понятие вошло в русский язык совсем недавно. В статье Е.С. Шаповалова «Философская интерпретация виртуальной реальности» [9, с. 6] в качестве первоначала термина «виртуальность» предлагается также латинское *virtualis*, но переведенное как «возможный». Там же приводится и английское *virtual*, переведенное как «фактический; не номинальный, а действительный». Различие в переводах с английского и с латыни имеет противоречивый характер. Прилагательные «возможный» и «фактический» имеют в русском языке различные смысловые значения. Так, В.С. Бабенко в статье «Размышление о виртуальной реальности» переводит *virtual* как «не-что, которое хотя и имеет все характеристики конкретной вещи, но не может быть определено как эта вещь, т.е. не является действительным» [10, с. 106]. В книге Н.А. Носова «Психологические виртуальные реальности» дается ссылка на англоязычное *virtual*, переводимое как «актуально, фактически, реально существующий» [11, с. 35]. Этот перевод находится в некотором противоречии с предыдущей трактовкой, что делает необходимым дальнейшее изучение.

Исследователь В.И. Шереверов считает, что «прилагательное «виртуальный» в своем изначальном смысле означает, что, будучи приложенным к отдельному объекту, оно преобразует его в ранг субъекта, наделенного особыми совершенными качествами, ...позволяющими этому субъекту принимать активное участие в преобразованиях и взаимодействиях с другими объектами бытия» [12, с. 58]. Там же указывается на латинское происхождение «виртуального» от «ср.-лат. *virtualis*». В вариантах перевода родственного латинского существительного *virtus*, восхваляющих всевозможные мужские достоинства (*vir*-мужчина, муж), нет даже намека на толкование «возможный». В англо-русском словаре Мюллера *virtual* переводится как «фактический, не номинальный, действительный; эффективный» [13, с. 411]. Англо-русский политехнический словарь под ред. А.Е. Чернухина предлагает три варианта: «1. фактический, действительный, эффективный; 2. возможный; 3. мнимый» [14, с. 120].

На основе изучения этимологии рассматриваемого термина можно сделать вывод, что разница трактовок является следствием происхождения слова «виртуальный» от двух корней – лат. *virtualis* – возможный, проявляющийся при определенных условиях, и от англ. *virtual* – переводимого

как: возможный, фактический, действительный, содержащий противоречие. Разрешение данного противоречия возможно через обращение к однокоренному слову *virtus* (от лат. превосходящий, лучший). Предположим, что данные понятия характеризуют две важные стороны понятия «виртуальный». Если соединить эти толкования, можно получить примерно такие значения: «превосходящий действительность», «лучшая возможность» и т.д. Чтобы получить научные основания такого соединения двух разнозначных слов обратимся к словарю «Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language». Для *virtual* в нем дается латинский эквивалент *virtus* [15, р. 384.] В Латинско-русском словаре под ред. И.Х. Дворецкого *virtus* переводится как: «1. мужественность, храбрость, стойкость; 2. энергия, сила, доблесть; 3. превосходящие качества, отличные свойства, талант, дарование; 4. добродетель, совершенство» [16, с. 507]. Если к указанному списку добавить еще одно значение *virtus* из «Латинско-русского и Русско-латинского Лексикона Ивана Кронеберга»: «действительность» [17, с. 134], то сделанное предположение о соединении данных слов имеет основания. Таким образом, соединив значения *virtualis* и *virtus*, получаем следующие характеристики термина «виртуальный»: 1. фактический, действительный, эффективный; 2. возможный; 3. мнимый; 4. превосходные качества, отличные.

Таким образом, «виртуальное» является и действительным, реально существующим, и возможным, и нереальным одновременно. При этом оно в чем-то превосходит реально существующее. Поскольку данные характеристики являются диаметрально противоположными, исходя из того, что в переводе и *virtus*, и *virtualis* есть указание на действительность, а действительность в философском смысле есть все воспринимаемое нами посредством чувств, находящееся в пространстве и времени, то реальность виртуального объекта будет определяться исходя из отношения к нему человеческого сознания, т.е. относиться к реальности второго порядка (отражение реальности в сознании – действительное).

В будущем, если виртуальное достигнет своего развития, предсказанного постмодернистами, и сможет обрести реальные черты, виртуальное станет частью мнимого пространства. Тогда явления мнимого в политическом процессе будут иметь два состояния «мнимости»:

- 1) реальные политические объекты и субъекты, не проявляющие реальные характеристики;
- 2) нереальные политические объекты и субъекты, приобретающие и репрезентующие

реальные качества. В обоих случаях правомерно говорить о неполноте существования объектов и субъектов, об их мнимости.

Мнимое в данном случае является более широким понятием, объединяющим виртуальное в один класс – объекты политической действительности, отличающиеся пограничным между реальным и нереальным статусом.

Таким образом, понятие «мнимое» можно считать новой качественной характеристикой политических субъектов и объектов, статус которых находится между реальным и нереальным, сочетая в себе черты обоих состояний.

Примечания

1. Например, к таковым относятся частично признанные мировым сообществом государства Тайвань, Тамил-Илам, Турецкая Республика Северного Кипра и т.д. Одностороннее провозглашение независимости Косова 17 февраля 2008 года вызвало неоднозначную реакцию в международном сообществе – на текущий момент его признали 60 государств из 192, входящих в состав ООН.

2. В русском языке прилагательное «мнимое» определяется как 1) воображаемый, кажущийся (т.е. не существующий в реальности) и 2) притворный, ложный (т.е. как характеристика реально существующего объекта, но в действительности – в реальности являющегося другим, иным) [7, с. 351].

3. От фр. *simulacres*, от лат. *simulacrum* – подобие, видимость – симуляция [9, с. 8].

4. Понятие «симулякр» в постмодернизме – несоответствие между образцом и подобием копии (Жиль Делез), копия, оригинал которой никогда не существовал (Фредрик Джеймисон), понятие, в принципе не соотносимое с реальностью (Жорж Батай), описание бытия, которое избегает существования (Пьер Клоссовски), победа спекулятивного образа реальности над реальностью как таковой, когда дискурс замыкается в себе, чтобы удержать себя в истине (Александр Кожев), логика поглощения значения, в ходе которого происходит стирание событий, истории и памяти (Жан Бодрийяр).

Список литературы

1. Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М.: Лазурь, 1991. 208 с.
2. Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде / Под ред. проф. А.И. Демидова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 414 с.
3. Мисюров Д.А. Политика и символы. М.: РИП-холдинг, 1999. 124 с.
4. Фома Аквинский. *Summa theologia* / Пер. С.С. Аверинцева. М.: Мысль, 1975. Ч. I. 611 с.
5. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3. 678 с.
6. Третье издание Большой советской энциклопедии в 30 томах. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. Т. 13. 911 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / 9-е изд. М.: Русский язык, 1988. 1360 с.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Репринт. Воспроизведение 1890 г. В 82 т. и 4 доп. т. М.: ТЕРРА, 2003.
9. Шаповалов Е.С. Философская интерпретация виртуальной реальности // Сбор. ст. «Виртуальная реальность как феномен науки, техники и культуры». СПб., 1996. С. 5–11.
10. Бабенко В.С. Размышление о виртуальной реальности // Сб. ст. «Технология виртуальной реальности». М., 1996. С. 102–110.
11. Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М.: РАН, 1994. 195 с.
12. Шереверов В.И. Определение свойств виртуального // Материалы научной конференции 11–13 апреля 2000 г. «Виртуальное пространство культуры». СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 230 с.
13. Англо-русский словарь / В.К. Мюллер. М.: Советская энциклопедия, 1969. 912 с.
14. Англо-русский политехнический словарь / Под ред. А.Е. Чернухина. М., 1979. 599 с.
15. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. L.: Gramercy Books, 1996. 1089 p.
16. Латинско-русский словарь / Под ред. И.Х. Дворецкого. М., 1998. Т. 2. 607 с.
17. Кронеберг И.Я. Латинско-русский и Русско-латинский Лексикон. Харьков, 1860. С. 10.

CORRELATION OF THE REAL, IMAGINARY AND UNREAL IN POLITICAL REALITY

T.A. Dogadina

The author addresses the problem of determining the ontological status of such political objects and subjects in political reality that cannot be clearly defined as unreal, but for which there are no sufficient grounds for accepting them as quite real.

Keywords: political reality, ontological status of political objects and subjects, «imaginary» in political reality.